

ГЕРХАРД ГАУПТМАН

ОДИНОКИЕ
ЛЮДИ

Герхард Гауптман

Одинокие люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25384974

"Северный Вестник", № 7: 1895

Аннотация

«Во время всех пяти актов место действия остается то же: большая комната, гостиная и столовая вместе. Хорошая, но буржуазная обстановка. Пианино, книжный шкаф, около него на стене портреты современных ученых, у между ними Дарвин и Геккель, есть и теологи. Над пианино – портрет масляными красками пастора в облачении. По стенам несколько библейских картин, копий со Шнорра фон-Карольсфельда. Слева одна, а справа две двери. Дверь слева ведет в кабинет Ганса Фокерат; одна из дверей направо – в спальню, другая в сени. Комната не особенно глубока. Два полукруглых окна и стеклянная дверь выходят на веранду. Из окон и двери виден сад, озеро и за ним Мюгельские горы....»

Содержание

Действие первое	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Герхард Гауптман

Одинокие люди

драма в 5-ти действиях

Действие происходит в загородном доме, в Фридрихсгафене, около Берлина, сад выходит на озеро Мишель.

Во время всех пяти актов место действия остается то же: большая комната, гостиная и столовая вместе. Хорошая, но буржуазная обстановка. Пианино, книжный шкаф, около него на стене портреты современных ученых, у между ними Дарвин и Геккель, есть и теологи. Над пианино – портрет масляными красками пастора в облачении. По стенам несколько библейских картин, копий со Шнорра фон-Карольсфельда. Слева одна, а справа две двери. Дверь слева ведет в кабинет Ганса Фокерат; одна из дверей направо – в спальню, другая в сени. Комната не особенно глубока. Два полукруглых окна и стеклянная дверь выходят на веранду. Из окон и двери виден сад, озеро и за ним Мюггельские горы.

Действие первое

Комната пуста. Дверь в кабинет плохо притворена, оттуда слышна речь пастора, по окончании её раздается хорал, исполняемый на гармонии. Во время первых тактов дверь отворяется и появляются следующие лица: госпожа Фокерат, Катя Фокерат и кормилица с ребенком на руках: все одеты по-праздничному.

Г-жа Фок. *(пожилая, видная женщина, лет за 50. Черное шелковое платье. Берет и гладит руку Кати).* Он очень хорошо говорил. Не правда ли, Катя?

Катя *(21 года, брюнетка среднего роста, нежного сложения, бледная и тихая. Находится в периоде выздоровления; принужденно улыбается, машинально кивает головой и поворачивается к ребенку).*

Кормилица. Ох, ты, маленький, милый мой карапузик! *(качает его на руках).* Ну, вот он и заснул... кш-кш! Вот и не хочет больше ничего знать *(поправляет одеяльце, в которое завернуть ребенок).* Вот так, вот так! Баиньки баю, дитеньку мою *(напевает мелодию баю-баюшки-баю).* А уж и задал он хлопот пастору – вот так! *(показывает)* ха, ха, ха! Пока дело не дошло до воды, все еще было ничего, но зато потом!! *(напевает)* ха, ха, ха! Ну и раскричался-же он, уа, уа! Кш-кш! Баю-баюшки-баю, баю дитеньку мою! *(притопывает в*

такт ногой).

Катя (*искренно, но нервно смеется*).

Г-жа Фок. Посмотри, Катюша, как он мил! Какие у него длинные ресницы!

Кормилица. Мамашины. Спи, дитятко, спи!

Г-жа Фок. Нет, право, он весь в мать.

Катя (*отрицательно качает головой*).

Г-жа Фок. Да право-же.

Катя (*говорит с усилием*). Ах, мамаша, я вовсе не желаю этого. Он совсем не должен походить на меня. Мне (*не договаривает*)...

Г-жа Фок. (*стараясь отвлечь внимание*). Здоровый ребенок!

Кормилица. Крепкий мальчишка!

Г-жа Фок. Посмотри, что за кулачки.

Кормилица. Точно у Голиафа.

Катя (*целует ребенка*). Не правда ли, фрау Фокерат? Какая у него крепкая грудка!

Кормилица. Да уж верьте слову, барыня, грудка что у генерала. Кш, кш! Такой с пятерыми справится.

Г-жа Фок. Нет, посмотрите... Знаете ли... (*Она и Катя смеются*).

Кормилица. У него здоровая кровь, кш-кш! дети живут кровью! (*напевая*) но-о, но-о... Пойдем в люлечку, в люлечку... Ну, идем, идем... пора нам и в люлечку... Спи, дитятко, спи! (*уходит в спальню*).

Г-жа Фок. *(затворяет дверь за кормилицей, оборачивается к Кате и весело качает головой)*. Презабавная, но славная женщина. Я рада, Катюша, что ты так удачно напала.

Катя. Генерал! Бог мой!.. *(смеется, смех выходит судорожный, более похожий на плач)*.

Г-жа Фок. Что с тобой?

Катя *(старается успокоиться)*.

Г-жа Фок. *(обнимает Катю)*. Катюша...

Катя. Со мной – право ничего.

Г-жа Фок. Как ничего? Впрочем, оно и неудивительно, ты ведь еще не совсем оправилась. Поди приляг немного, отдохни.

Катя. Нет! все уже прошло.

Г-жа Фок. Все-таки приляг хоть на минутку...

Катя. Нет, нет, пожалуйста. Сейчас ведь обед.

Г-жа Фок. *(подходит к столу, на котором стоит вино и печенье, наливает стакан вина и подает Кате)*. Выпей немного, хотя глоток. Попробуй! Это – сладкое.

Катя *(пьет)*.

Г-жа Фок. Это подкрепляет. Не правда ли? Милое, дорогое дитя, к чему так волноваться? Тебе еще очень нужно беречь себя. Не создавай себе лишних забот и мучений. Все, Бог даст, уладится. Теперь у вас ребенок, и все пойдет иначе. Ганс будет поспокойнее.

Катя. Ах, если бы так, мама.

Г-жа Фок. Вспомни о том, как он радовался, когда ро-

дился ребенок. Он вообще страшно любит детей. Надейся на это. Всегда так бывает. Брак без детей – плохая вещь. Сколько раз я молила Бога, чтоб он благословил ребенком ваш союз. Знаешь, как было у нас? Первые четыре года мы едва промаялись – я и мой муж; это была не жизнь. Наконец, Господь услышал наши молитвы и послал нам Ганса. Только с тех пор началась настоящая жизнь, Катя. Пусть только пройдут первые 3-4 месяца и ты увидишь, сколько радости даст тебе ребенок! Нет, нет, ты должна быть вполне довольна своей судьбой: у тебя есть сынишка, есть муж, который тебя любит. Вы можете жить без забот. Чего тебе еще желать?

Катя. Может быть это и в самом деле пустяки. Я знаю. Иной раз я, действительно, попусту беспокоюсь.

Г-жа Фок. Послушай-ка. Только не сердись на меня. Ты была бы спокойнее, гораздо спокойнее, если бы... Послушай, когда мне очень тяжело, я начинаю горячо молиться, высказываю милосердному Богу все, что у меня есть на душе – и мне становится так легко, так хорошо на сердце. Нет, нет, пусть ученые говорят, что хотят, но есть Бог, Катя, есть Вечный Отец на небе, уж это ты мне поверь. Мужчина без веры – и то уже плохо. Но женщина, которая не верит... Не сердись, Катюша. Хорошо, хорошо, я больше не буду об этом говорить. Я так много, так усердно молюсь. Я молюсь каждый день. Я верю, Он услышит мои молитвы. Вы оба такие хорошие люди. Когда нибудь Господь обратит вас к Себе (*целует Катю, хорал кончается*). Ах, Боже, а я-то заболталась

с тобой.

Катя. Как бы я хотела поскорее поправиться, мама! Тяжело смотреть, как ты одна хлопочешь.

Г-жа Фок. *(в дверях ведущих в сени).* Стоит об этом говорить. Здесь я просто отдыхаю. Вот когда ты совсем поправишься, я заставлю тебя ухаживать за мной *(уходит)*.

Катя *(хочет уйти в спальню. В это время из кабинета выходит Браун)*.

(Брауну 26 лет. Бледное лицо. Усталое выражение. Под глазами тень. Пушистая борода. Волоса острижены очень коротко. Платье модное, щеголеватое, немного потертое. Браун флегматик, почти всегда в дурном настроении).

Браун. Ну, вот *(вынимает сигару)*. Пытка и кончилась!

Катя. Но вы прекрасно выдержали ее, г-н Браун.

Браун *(закуривая)*. Лучнее было бы рисовать. Грех и стыд не пользоваться такой погодой.

Катя. Успеете еще наверстать потерянное.

Браун. Все-то мы действуем через-пень-колоду *(сидит около стола)*. Впрочем, подобные крестины представляют большой интерес.

Катя. Смотрели-ль вы на Ганса?

Браун *(быстро)*. Он очень волновался. Я все время боялся, не вышло бы чего. Думал, он вмешается в речь пастора, Вышла бы пренеприятная история.

Катя. Ах, нет, г-н Браун.

Браун. Знаете, теперь я почти доволен. Может быть я ко-

гда-нибудь нарисую нечто подобное. Замечательно тонкая вещь.

Катя. Вы говорите серьезно?

Браун. Если бы это изобразить, на многих повеяло бы от такой картины атмосферой, полной тяжелых воспоминаний... Подумайте, это смесь белого вина, печенья, нюхательного табаку и восковых свечей... Нет, это просто умилительно, это многим напомним юность...

(Ганс Фокерат выходит из кабинета. Ему 28 лет. Среднего роста, белокурый. Умное, в высшей степени подвижное лицо. Беспокойные движения. Безукоризненный костюм: фрак, белый галстук, перчатки).

Ганс *(вздыхает. Снимает перчатки).*

Бгаун. Ты кажется совсем растаял.

Ганс. Право, не знаю. А как с обедом, Катюша?

Катя *(нетвердым голосом).* Я думаю... на балконе?

Ганс. Как? Там уже накрыто?

Катя *(робко).* Разве тебе не нравится? Я думала...

Ганс. Не бойся, Катя. Я тебя не съем. Право, это ужасно неприятно.

Катя *(стараясь говорить твердо).* Я велела накрыть на воздухе.

Ганс. Ну, конечно; так будет лучше. Точно я людоед какой-нибудь.

Браун. Не ворчи.

Ганс *(обнимает жену, добродушно).* Это верно, Катя. Ты

ведешь себя так, как будто я домашний тиран, второй экземпляр дяди Отто. Отучись ты от этой манеры.

Катя. Ты так часто раздражаешься...

Ганс (*снова горячо*). А если бы и так, не Бог знает, какая еще беда! Защищайся и ты! Я не могу совладать со своим характером, а ты не давай себя в обиду. Я не знаю, что может быть противнее такого терпеливого, святого отношения...

Катя. Не волнуйся понапрасну, Ганс, об этом и говорить-то не стоит.

Ганс (*с жаром и быстро*). О, о! Ты очень ошибаешься. Я нисколько не волнуюсь, ни капельки... По вашему – я постоянно сержусь... удивительное дело! (*Браун хочет говорить*). Ну, хорошо. Конечно, вы лучше меня это знаете. Довольно! Поговорим о чемнибудь другом... Ах, ну да, ну да!..

Браун. Вечные вздохи в конце-концов и надоесть могут.

Ганс (*хватается за грудь и морщится от боли*). Ох!

Браун. Что с тобой?

Ганс. Ничего особенного. Старая история. В груди кольнуло.

Браун. Опять колет!

Ганс. Мне не до шуток. Ох. ох.

Катя. Ах, Ганс, не пугайся. Ведь ничего опасного нет.

Ганс. Ну да, особенно, когда два раза перенес воспаление легких.

Браун. И это еще офицер запаса!

Ганс. А что-ж мне с того?

Браун. Старый ипохондрик. Не говори глупостей. Съешь что-нибудь. Проповедь сильно разволновала тебя.

Ганс. Откровенно говоря, Брео... Ты так отрываешься о крестинах... Ты знаешь хорошо, как я отношусь к этим вещам...

Браун (*встает, несколько сконфуженный, смеется без причины*).

Катя (*у рабочего столика*). Вы обидели его, г-н Браун.

Браун (*принужденно улыбаясь, говорит резко*). Ничего не поделаешь, ненавижу двойственность во всем.

Катя (*после небольшой паузы*). Вы несправедливы к нему.

Браун. Как, так?

Катя. Я не знаю, не умею точно выражаться. Во всяком случае Гапс борется честно.

Браун. Скажите, с каких пор он такой раздражительный!

Катя. С тех пор, как поднялся вопрос о крестинах. Я была так счастлива, так спокойна, а теперь опять все пошло вверх дном. Ведь это одна только формальность. Разве стоило из-за этого причинять горе родителям? Это было бы совсем нехорошо. Подумайте, такие благочестивые, глубоко-верующие люди! Ведь это нужно принять во внимание, г-н Браун.

Ганс (*отворяет дверь и говорит*). Дети, я немножко погорячился. Будем спокойны. Я справился с собой. (*Уходит в сад*).

Браун. Глупо.

Катя. Мне жалко его. Иногда он бывает такой трогательный!

(Старый Фокерат и пастор с шумом выходят из кабинета. Фок. за шестьдесят лет. Седая голова, рыжая борода, веснушки на руках и лице. Сильный, широкий, склонный к полноте. Немного уже сгорблен, ходит мелкими шажками. Преисполнен любовью и приветливостью. Пастор, 73 лет, старик веселый, наивный, жизнерадостный. На голове шапочка, нюхает табак).

Г-н Фок. *(вводя пастора за руку, говорит слабым, мягким голосом).* Очень, очень благодарен, г-н пастор. Очень благодарен за совершение таинства. Это так укрепило мою душу. Ты здесь, моя милая дочка *(идет к Кане, обнимает и горячо целует ее)*. Ну, моя милая, дорогая Катюша. От души всего хорошего *(поцелуй)*. Милосердный Бог еще раз открылся нам в своей великой благодати... да... в своей бесконечной благодати *(поцелуй)*. Его милосердие и благодать неизмеримы. Его десница будет также... да... будет охранять новорожденного *(к Брауну)*. Позвольте, г-н Браун, пожать руку и вам. *(Входит Ганс, Фок. ему навстречу)*. Вот и ты, дорогой Ганс. *(Поцелуй. Крепкия объятия. Смеется от умиления)*. Радуюсь за тебя *(Поцелуй)*. Я рад, очень рад. Не знаю, как и благодарить Бога.

Пастор *(дышит коротко, говорит дрожащим голосом, жмет торжественно руку Кате)*. Еще раз, – да благословит

вас Бог (*жмет руку Гансу*). И вас да благословит Бог!

Г-н Фок. Ну, любезный пастор, позвольте вас угостить? Не желаете? О!

Ганс. Пожалуйста, дорогой пастор, стакан вина. Сейчас достану новую бутылку.

Пастор. Не беспокойтесь, пожалуйста, не беспокойтесь.

Ганс. Какого желаете: красного или белого?

Пастор. Все равно, решительно все равно. Но послушайте. Пожалуйста, не беспокойтесь, прошу вас. (*Ганс уходит*). А пока я... (*Ищет свои вещи. Шляпа, пальто, длинный плащ на вешалке около двери*).

Г-н Фок. Вы ведь не уходите еще, г-н пастор? Но послушайте...

Пастор. А моя завтрашняя проповедь. Разве кто будет говорить за меня?

Браун (*подает пастору пальто*).

Пастор (*надевая его*). Благодарю вас, молодой человек.

Катя. Доставьте нам удовольствие... простой обед...

Пастор (*занят одеваньем*). Мне было бы очень приятно, дорогая фрау, очень приятно. Но ведь...

Г-н Фок. Дорогой пастор, вы должны доставить нам это удовольствие.

Пастор (*видимо колеблясь*). Но послушайте, послушайте.

Г-н Фок. А если мы все будем очень просить вас?

Пастор. А слово Божие как же? хэ-хэ, ведь завтра мне говорить. Да, говорить завтра надо. (*Ганс вернулся, наливает*

вино).

Г-н Фок. *(подает пастору стакан)*. Ну, уж от этого вы не откажетесь.

Пастор *(берет стакан)*. От этого? нет, нет. Итак, за здоровье... за здоровье новокрещенного... *(чокаются)*, чтобы он был истинным сыном Божиим.

Г-н Фок. *(тихо)*. Дай Бог!

Ганс *(предлагает пастору сигары)*. Вы курите, г-н пастор?

Пастор. Да, благодарю *(берет сигару и обрезает ее)*, благодарю. *(Принимает от Ганса огонь и с большим трудом раскуривает сигару. Наконец, она разгорается. Осматривается кругом)*. Вы устроились очень хорошо, — с большим вкусом *(осматривает картины сперва вскользь, затем внимательнее. Останавливается перед картиной, изображающей борьбу Иакова с Ангелом)*. "Я тебя не отпущу, пока ты не благословишь меня" *(бормочет довольный пастор)*.

Катя *(немного боязливо)*. Папаша, я хочу тебе предложить — в саду так хорошо. Гораздо теплее, чем в комнате. Не пойдешь ли ты туда вместе с г-н пастором. Я велю и стаканы вынести.

Пастор *(останавливается перед портретами ученых)*. Пестрое общество. Это все ваши учителя, г-н доктор? Послушайте-ка?

Ганс *(немного смущенный)*. Да, т. е. за исключением Дарвина, конечно.

Пастор (*разсматривает портреты со вниманием*). Дарвин? Дарвин? Ах, да, Дарвин. Послушайте только (*медленно разбирает подпись*) Геккель. Даже с автографом (*не без иронии*). Он тоже из числа ваших учителей?

Ганс (*с жаром и быстро*). Да, и я горжусь этим, г-н пастор.

Г-н Фок. Моя дочь говорит правду, дорогой пастор. На воздухе гораздо теплее. Если вы ничего не имеете против, пойдемте в сад. Я снесу вино и стаканы.

Пастор. Да, конечно, с удовольствием. Но слушайте, не надолго. (*Немного обиженный, уходит вместе с Фок.*). Человек, г-н Фокерат, человек более уже не подобие Бога, — слышите вы — а только обезьяна, наука, хочу я сказать, дошла до этого. (*Идут на балкон, оживленно разговаривая, затем спускаются в сад*).

Браун (*смеется*).

Ганс. Чего ты?

Браун. Я? Мне весело, я и смеюсь.

Ганс. Тебе весело?

Браун. Ну, да. Почему же мне и не смеяться?

Ганс. Пожалуйста, пожалуйста (*отходит в сторону, вздыхает и вдруг обращается к Кате, которая хотела было уйти*). Скажи, я вел себя прилично?

Катя. Так себе.

Ганс (*пожимая плечами*). Да, дети. Здесь я бессилен. Не переносу я подобных вещей. Всему есть граница. Если вы

будете постоянно раздражать меня...

Катя. Но ведь дело обошлось довольно мирно.

Ганс. Правда?

Катя. Кто знает, может быть он и не заметил ничего.

Ганс (*ходит по комнате, хватается за голову*). Во всяком случае, все это неприятно.

Браун. Ты опять на что-то сердишься, Ганс.

Ганс (*внезапно приходит в раздраженное настроение*). Чорт возьми, пусть оставят меня в покое! Не выводите меня из себя, иначе, — если мое терпение лопнет...

Браун. Это было бы недурно.

Ганс (*обращаясь к Брауну*). Все то вы фанатики, больше ничего. И какой смысл говорить правду старому человеку? Что толку? Когда мне приходится сталкиваться с подобными людьми, вся моя злость проходит мгновенно. Мне тотчас становится ясно, что сердиться на них просто ребячество. Все равно, как злиться на то, что на сосне растут иглы, а не листья. Во всем необходима объективность, друг мой.

Браун. В науке, может быть, но не в жизни.

Ганс. Ах, дети! Все эти мелочи мне так противны... так противны. Вы не можете себе представить, до какой степени (*Бежит по комнате*).

Браун (*переходит от печки к столу и бросает окурочка сигары в пепельницу*). А мне, ты думаешь, не противно? И я часто испытываю то-же самое. Но к чему постоянно ныть и стонать, чорт побери!

Ганс (*другим тоном, со смехом*). Ну вот, не кипятись ради Бога. О постоянном нытье не может быть и речи. Но почему же иногда и не повздыхать? Нечто в роде жажды воздуха, больше ничего. Мне вовсе не так плохо живется и, во всяком случае, я долго еще не буду таким банкротом, как ты.

Браун. Очень может быть.

Ганс. Ты притворяешься.

Браун. нисколько.

Ганс. Ах, банкрот, банкрот. Что собственно значит банкрот? Ты так же мало банкрот, как и я. В чем банкротство? Неужели в том, что я не захотел портить настроение духа отцу и пастору?

Катя (*обнимая Ганса*). Ганс, Ганс, будь спокойнее.

Ганс. Моя работа сильно беспокоит меня. Вот уже две недели я не принимался за нее.

Браун. Ты малодушен. И не сознаешь, как унижительно это...

Ганс (*не расслышав слов Брауна*). Что?

Браун. Когда идет дождь, то мокро, когда снег, то все бело, когда замерзнет, то будет лед.

Ганс. Дурень!

Катя. Тише, Ганс. Вспомни о мальчике. Зимой мы устроимся здесь прелестно. Ты будешь много работать.

Ганс. Знаешь, Брео, четвертая глаза уж готова.

Браун (*равнодушно*). да?

Ганс. Посмотри: вот рукопись. Двенадцать страниц одних

источников. Разве это не труд? Уверяю тебя: старикам придется призадуматься, натяну всем хороший нос.

Браун. Воображаю только?

Ганс. Посмотри, например (*перелистывает рукопись*), здесь я нападаю на Дюбуа-Реймона.

Браун. Ты не вздумай мне читать. Я не расположен, в другой раз.

Ганс (*покорным тоном*). Ну, конечно. Да я и не собирался. Я хотел только... (*Вдыхая кладет рукопись обратно в шкаф*).

Катя. Успокойся, успокойся, Ганс.

Ганс. Но, Катя, я спокоен.

Катя. Нет, ты опять плох.

Ганс. Если бы хоть один человек во всем мире интересовался мною. Для этого требуется не много: чуточку доброй воли и внимания к моей работе.

Катя. Будь благоразумен. Нечего создавать себе мнимых мучений. Подожди немного. Придет время, когда они сознают...

Ганс. А до тех пор? Ты думаешь, легко жить без всякого сочувствия... Думаешь, так можно долго выдержать?

Катя. Да, мне так думается. Слушай, Ганс, когда мысль о чем-нибудь становится в тягость, надо освободиться от неё. Пойдем посмотрим на мальчика. Как он мил, когда спит. Он лежит так (*показывает, как ребенок держит ручки во сне*). И складывает ручки вот этак. Презабавно. Пойдем.

Ганс. А ты пойдешь?

Браун. Ах, нет, Ганс, я не люблю маленьких детей. Лучше пойду в сад (*Уходит через веранду*).

Ганс. Станный человек!

Катя (*осторожно отворяет дверь в спальню*). Он очень мил, говорю тебе, тсс – тише, тише (*На цыпочках, взявшись за руки, уходят*).

(Г-жа Фок. и девушка все это время приготавливали стол на веранде. Слышен шум разбитой посуды. Раздается крик, и девушка, блеиная, бежит с балкона в сени. Г-жа Фок. входит в комнату и бранит девушку).

Г-жа Фок. Но, Минна, вы никуда не ходите. Каждый день вы что-нибудь да бьете. Чудесный маионез (*Девушка возвращается из сеней*). У меня не случается подобных вещей. Я их живо выучиваю

Ганс (*из спальни, привлеченный шумом*). Мамаша, что случилось? (*обнимает мать, желая ее успокоить*). Успокойся, не сердись.

Катя (*в дверях*). Что такое?

Ганс. Ничего, ровно ничего.

Катя (*прячется*).

Г-жа Фок. Благодарю, ничего! Разбила на десять марок посуды. И это ничего!? И весь прекрасный соус... (*отталкивает Ганса*).

Ганс. Мама, мама, ну, останемся без соуса.

Г-жа Фок. Нет, нет, вы уж чересчур легкомысленны. Вам

не из чего так швырять деньги. Вы уж очень снисходительны к прислуге. Она скоро будет просто невыносима.

Ганс. Но ведь ей все время приходится возиться с этими вещами.

Г-жа Фок. Я вовсе не тиран. Прислуга у меня живет по 6-7 лет. Но что разобьет, должна купить на свои деньги. У вас, конечно, они едят сладкие пироги и икру, – нет, нет, оставьте меня в покое с вашими новыми идеями.

Ганс. Ну полно, мама, не сердись.

Г-жа Фок. Да я и не сержусь, мой мальчик (*целует его*). Сумасшедший ты, право. Ты не от мира сего. (*Девушка на веранде подтирает пол и собирает осколки*).

Ганс (*удивленный*). В самом деле, мама (*веселым тоном*). Но почему ты делаешь такие... такие странные, испуганные глаза?

Г-жа Фок. Я? когда-же? Я и не знала... Какие я могу делать глаза?..

Ганс. Посмотри еще раз на меня.

Г-жа Фок. Дурень! (*смотрит пристально на него*).

Ганс. Довольно, хорошо.

Г-жа Фок. Глупый мальчик! Мне хотелось бы, чтобы ты всегда был доволен, чтобы ты был довольным человеком.

Ганс. Мать, этого ты никогда не дождешься. Довольные люди все равно, что трутни в улье. Жалкия создания!

Г-жа Фок. К чему все это?..

Ганс (*серьезно, немного расстроженный*). Мой сын должен

быть тоже в роде меня, — недовольный.

Г-жа Фок. Сохрани Бог!

Ганс. Он должен быть иным человеком, чем я. Об этом я позабочусь.

Г-жа Фок. Человек предполагает, а Бог располагает. И мы делали все, что могли.

Ганс. Но, матушка, я вовсе уж не такой неудачник.

Г-жа Фок. Я и не говорю, я и не хочу этого сказать. Но ты же сам говоришь, что Филипп должен быть иным. И... и... послушай только: ты не веришь... ты не веришь в милосердного Бога. У тебя нет религии. Ведь это большое несчастье. Ужасно досадно, что ты не остался в духовном ведомстве. Еще после твоей пробной проповеди диакон сказал...

Ганс (*весело*). Матушка, матушка! Дела минувших дней (*Звонят*). Г-жа Фок. Дверь, ведь, не заперта (*Делает несколько шагов по направлению к сеням, в дверь стучатся*).

Прачка Леман (*в полинявшем синем платье, входит боязливо*). Здравствуйте!

Ганс. Здравствуйте!

Г-жа Фок. Здравствуйте!

Леман. Я только хотела посмотреть. Извините, пожалуйста. Я уже давно ищу своего жильца.

Ганс. Г-н Браун у нас.

Леман (*осматриваясь*). Тсс... тсс... Скажите, пожалуйста. Кто бы это мог знать?

Г-жа Фок. Как вы поживаете, фрау Леман?

Леман. Ах, фрау Фокерат! Мне ведь никогда хорошо не жилось. Ведь я все-таки должна была прогнать своего старика. Больше не было никакой возможности. Уж я и не знаю теперь, как я буду жить с моей пятеркой.

Г-жа Фок. Что вы говорите? Ведь...

Леман (*становясь все болтливее*). Да, видите ли, фрау Фокерат, если бы я не была так слаба. Но я слишком слаба. А ведь горе-то, сами знаете, незаметно подползает к человеку. Мне, может, никто в этом не поверит. Вот я и сказала своему старику: Адольф, говорю, уходи ты, Христа-ради, к своим братьям, говорю. Ступай, говорю, к своим собутыльникам. Я и одна буду заботиться о моих ребятах. Ведь смотри, говорю, до чего ты довел себя, ведь тебя отовсюду в шею гонят. У тебя, говорю, вовсе характера нет. Кабы, говорю, у тебя характер был, ты бы не довел до нищеты детей и жену. Видите ли, фрау Фокерат, так я ему и сказала; так, верите ли, чего мне это стоило! Ведь это мне, как нож острый... А все-таки это помогло. Все-таки нужно сказать правду: так лучше! И думаю я себе теперь: Господь милостив, – не оставит меня с моими пятью детками. (*Она сморкается и вытирает себе глаза*).

Г-жа Фок. Только мы должны всегда...

Леман. Да, да, и я то же говорю. Отправляйся, говорю, в Америку. Сделай милость, ступай. Коли человек честен, говорю я, и может работать, говорю я, да копеечку бережет, так еще дело не пропащее, говорю я. А я честный человек,

фрау Фокерат. Я свой дом, сине добро уберечь умею. Уж у меня из рук ничего зря не уйдет.

Ганс. Вы хотели говорить с Брауном, фрау Леман.

Леман. Ах, нет. Ведь вот, чуть я и не забыла. Там барышня одна желает видеть г-на Брауна *(в дверях показывается голова фрейлен Мар, но тотчас прячется. Ганс замечает ее)*.

Ганс. Пожалуйста, прошу войти *(Матери и -Леман, которые ее не заметили)*. Это та самая барышня *(Леман)*. Вам следовало ее ввести*(Отворяет дверь)*. Прошу вас, милостивая государыня. Вы желали видеть моего друга Брауна? Будьте любезны, войдите.

(Анна Мар, 24 лет, среднего роста; у ней маленькая головка, темные, гладкие волосы, тонкия нервныя черты лица. Движения непринужденныя, полныя грации и силы. Некоторая уверенность в манере держать себя, живость в движениях умеряется до известной степени тактом и скромностью; в высшей степени женственна; одета во все черное).

Анна *(входит)*. Прошу извинить. Очень жаль, что беспокою вас.

Ганс. Пожалуйста, пожалуйста.

Анна. Фрау Леман очень долго не возвращалась, и я хотела ей сказать, что приду в другой раз.

Ганс. Подождите, пожалуйста. Сейчас позову Брауна. Присядьте, прошу вас.

Анна. Благодарю вас *(стоит)*; но в самом деле мне очень

неловко.

Ганс. Не беспокойтесь, прошу вас. Сейчас я позову Брануна.

Анна. Но я затрудняю вас.

Ганс. нисколько. Извините (*уходит через веранду*).

Леман (*Анне*). Ну, теперь я пойду, назад-то вы и одна вернетесь.

Анна. Благодарю, что проводили. Позвольте предложить вам (*дает денег*).

Леман. Благодарю, благодарю (*К фрау Фокерат*). Вот и весь мой сегодняшний заработок. Истинный Бог. Не легко это, а все-таки лучше, чем жить с пьяницей. Только уповать на Бога... Милосердный Бог не оставит меня (*берется за ручку двери*). Пойду теперь в мелочную. Куплю чего-нибудь своим сироткам (*уходит*).

Г-жа Фок. (*вслед ей*). Подите на кухню, — там есть остатки (*Приносит стул и ставит рядом со стулом Анны, садится*). Прощу вас, фрейлен, садитесь.

Анна (*неохотно садясь*). Право я совсем не устала.

Г-жа Фок. Вы знаете здешнюю местность?

Анна. Нет, я родом из России, из прибалтийских губерний, я". (*неловкая пауза*).

Г-жа Фок. Здешняя местность очень песчана. Я бываю здесь неохотно. Сама я из окрестностей Бреславля. И все то здесь дорого, вы не можете себе представить, до какой степени. Мой муж арендует там имение, так что мы можем кое-

что посылать детям. Видели вы озеро? Оно действительно очень красиво. Нам очень удобно, мы как раз на берегу. У нас в саду две лодки. Но я не люблю, когда дети катаются. Уж очень я труслива. Вы теперь в Берлине, смею спросить?

Анна. Да, но я там в первый раз. Хотелось бы хорошенько осмотреть его.

Г-жа Фок. О! да, его стоит посмотреть. Только слишком уж шумно...

Анна. Да, в нем шуму много. Особенно, когда привыкнешь к маленьким городам.

Г-жа Фок. А вы откуда, если...

Анна. Я из Ревеля. Возвращаюсь в Цюрих. Последние четыре года я провела в Цюрихе.

Г-жа Фок. Чудная Швейцария! Там у вас родные?

Анна. Нет, я учусь.

Г-жа Фок. Вы? В университете?

Анна. В университете.

Г-жа Фок. Не может быть! Значит, вы студентка. Что вы говорите? Это очень интересно. В самом деле вы студентка?

Анна. Ну да.

Г-жа Фок. Что вы говорите! И что-же? – вам нравится так много учиться?

Анна *(весело)*. О, да! но только до известной степени.

Г-жа Фок. Весьма вероятно *(Ганс и Браун показываются на веранде, дамы замечают их и встают)*.

Анна. Очень жалею, что побеспокоила вас.

Г-жа Фок. Ничего, милая фрейлен, я очень рада, что видела так близко настоящую студентку. У нас такие глупые представления о них. Вы родственница Брауна?

Анна. Нет, мы познакомились в Париже на выставке.

Г-жа Фок. *(подает ей руку)*. Всего хорошего. Я очень рада.

Анна. Еще раз прошу извинить меня, г-жа Фокерат. *(Уходит в сени. Ганс и Браун поговорили немного на веранде; Ганс остается там, Браун входит)*.

Браун *(удивленный)*. Фрейлен Мар – вы?

Анна. Да, Надеюсь, что вы не сочтете меня безтактной. Ваша хозяйка, ваша оригинальная г-жа Леман, виновата, что я пришла сюда.

Браун. О, святой бимбам.

Анна. А "бимбам" все еще жив?

Браун. Мне и во сне не снилось, что увижу вас. Отлично.

Анна. Что? все еще "отлично"? Ведь у вас все "отлично". Вы несколько не изменились, право.

Браун. Вы находите? Раздевайтесь.

Анна. Нет, нет. Что вы? Я хотела только посмотреть, что вы делаете *(Игриво)*. Главное хотелось справиться о вашей большой картине. Что, можно уже на нее полюбоваться?

Браун. Ни тени, ни мысли, ни даже холста к ней еще не имеется.

Анна. Жаль, очень жаль. А вы еще так обещали мне!

Браун. Человек предполагает, а Бог располагает. Повто-

рю вам: раздевайтесь.

Анна. Я вас видела, и теперь...

Браун. Нет, вы должны остаться.

Анна. Здесь?

Браун. Ну да. Разве вы не знаете, где мы? У Ганса Фокерат. Из моих рассказов вы его хорошо знаете. Кстати – сегодня крестины. Вы как раз во время.

Анна. Ах, нет. Это неудобно. Да и у меня сегодня масса дел в городе.

Браун. Теперь все закрыто.

Анна. Это не беда, мне надо сделать несколько визитов. Не думайте, впрочем, что вы отделались от меня. Мне хочется подольше поговорить с вами. Я вам еще нотацию прочту: вы изменник. Вы все еще художник только на словах.

Браун. Сначала нужно достигнуть духовной ясности. Еще успею поработать в свое время.

Анна. Ну, навряд ли.

Браун. Слушайте, но все-таки вы не смеете уйти теперь.

Анна. Ах, оставьте меня пожалуйста.

Браун. Ганс! Ганс!!

Анна. Прошу вас, оставьте меня (*Входит Ганс, раскрасневшись*).

Браун. Позвольте. Мой друг – Ганс Фокерат. Фрейлен – Анна Мар.

Анна, Ганс. (*Одновременно.*) Я уже много слышала о вас. Я уже много слышал о вас.

Браун. Подумай, Ганс. Она хочет уйти.

Ганс. Моя жена и все мы будем огорчены. Не проведете ли вы сегодняшний день с нами?

Анна. Право, я не знаю... Впрочем, если я действительно не помешаю, я останусь...

Ганс. Ни в каком случае (*помогает снять кофточку, передает ее Брауну*). Повесь, пожалуйста. Я сейчас скажу жене (*В дверь спальни*). Катя! (*уходит в спальню*).

Анна (*поправляя платье перед зеркалом*). Ваш друг очень любезен

Браун. Пожалуй слишком.

Анна. Как так?

Браун. Я шучу. Он прекрасный малый; но как скоро заговорит о своей работе, становится невыносим. Приготовьтесь; если вы проведете здесь день, он непременно прочтет вам свое произведение.

Анна. Что это за работа?

Браун. Для меня слишком учено. Что-то философско-критико-психофизиологическое; мне недоступно.

Анна. Это меня интересует. Ведь и я сама, как говорят, немного причастна философии.

Браун. Что вы? В таком случае вы не скоро отделаетесь от него; вы приведете его в восторг.

Ганс (*выходя из спальни*). Браун!

Браун. Что?

Ганс. Поди к Кате. Успокой ее: по её мнению, у мальчика

слишком выдается ребро.

Браун. К чему это?

Ганс. Это пустяки, но все-таки иди. Она понапрасну создает себе беспокойство.

Браун. Хорошо, хорошо. Иду (*уходит в спальню*).

Ганс. Жена извиняется. Она придет через несколько минут. А пока она поручила мне показать вам наш сад. Конечно, если вы не имеете ничего против этого.

Анна. О, нет, с удовольствием.

Ганс (*улыбаясь*). У нас прекрасный уголок, т. е. мы нанимаем здесь дачу. Самое лучшее в ней – озеро. Видели вы озеро – Мюггель (*передает ей зонтик; разговаривая, оба проходят на веранду*). Я собственно ненавижу город. Мой идеал – громадный парк, окруженный высокою стеною. Так можно жить спокойно, преследуя свои цели.

Анна. Вы – эпикуреец!

Ганс. Совершенно верно. Но уверяю вас: для меня нет другого исхода. Вам не холодно?

Анна. О, нет, я закалена. (*Ганс пропускает Анну вперед и следует за нею на веранду; здесь они останавливаются на несколько секунд. Ганс показывает и объясняет окрестные виды. Наконец, спускаются в сад и там исчезают. Из спальни выходит Браун в сопровождении Кати*).

Браун (*оглядываясь*). Их уже нет?

Катя. Уже?

Браун. Нет, нет! А у ребенка все в порядке.

Катя. Подчас я совсем теряю мужество.

Браун. Почему-же?

Катя (*улыбаясь*). У меня сердцебиение.

Браун. У вас нервы расстроены.

Катя. Что, она очень гордая?

Браун. Кто?

Катя. Молодая девушка.

Браун. Кто? фрейлен Мар – гордая? нисколько.

Катя. Право не знаю. Пожалуй, я бы очень гордилась, если бы...

Браун. нисколько. Нет, нет. Вы о ней слишком дурного мнения.

Катя. Наоборот. Я чувствую ужасное уважение к ней.

Браун. Ну вот еще!.. Иногда она бывает очень резка, но к этому очень скоро привыкаешь. (*Пауза*).

Катя. Вон Ганс оставил свою рукопись. Понимает ли она в этом что-нибудь?

Браун. Да, я думаю.

Катя. Право? Ах! При столкновении с такими развитыми людьми нам, бедненьким, приходится играть очень жалкую роль.

Браун. Ну, вот еще. Я тоже не много учился. Но на меня не производит это впечатления, – эта школьная ученость.

Катя. Вероятно, она блестяще говорит?

Браун. Блестяще? О, нет! Она говорит просто, как и мы все. Она, действительно, довольно умна, но все-таки... Пра-

во, вы уж чересчур скромны и потому...

Катя (*улыбаясь*). Девочкой я была большою трусихой. Я боялась решительно всего и целые дни ничего не делала. Мало-по-малу я отучилась от этого, а теперь опять сделалась застенчивой и больше всего боюсь говорить (*Обращаясь к г-же Фокерат*). Матушка, нужно поставить еще один прибор.

Г-жа Фок. (*говорит с веранды, где накрывают стол для обеда*). Кто-же еще пришел?

Катя. А фрейлен?..

Г-жа Фок. Кто? Ах, да! хорошо!

Катя (*Брауну со вздохом*). Я совсем порченная. Стараюсь исправиться, да что теперь поделаешь? уж поздно (*оставливается перед букетом из роз*). Посмотрите, как красиво. Розы все еще держатся (*подносит Брауну понюхать*) и как еще сильно пахнут!

Браун. Прелесть!

Катя (*ставя букет на место*). Она молода?

Браун. Кто?

Катя. Фрейлен Мар.

Браун. Право не знаю, сколько ей лет.

Катя. Мне уже 22-й. Да, да, я стареюсь.

Браун. Да, очень (*смеется*).

Катя. Ах, какая я ограниченная душонка!

Г-жа Фок. (*просовывает голову в дверь*). Дети, все готово (*Прячется и с веранды кричит в сад*). Папа, папа! (*Г-н Фокерат и пастор, оба в прекрасном настроении духа, подни-*

маются по лестнице на веранду).

Г-н Фок. *(у растворенной двери с пальто пастора в руках).* Будьте любезны. Войдите и разденьтесь. Ха-ха-ха *(смеется)*:

Пастор *(со шляпой и палкой в руках, курит и смеется).* Ха-хаха, в самом деле смешно, послушайте только, как забавно.

Г-н Фок. И это действительно факт, г-н пастор *(вешает пальто).*

Пастор. "Г-н новопредставленный" *(смеется).* Г-н новопредставленный, чего вы желаете? *(смеется, вешает плащ и шляпу, шапочку оставляет на голове).*

Г-н Фок. *(тоже смеясь).* "Г-н новопредставленный". *(К Брауну).* У нас в деревне были похороны. Носильщики стоят около гроба *(изображает на лице страх)*; вдруг что-то шевелится. Вероятно кто-нибудь подвинулся или что-нибудь в этом роде *(изображает ужас)*. Все отскакивают. Только сторож сбирается с духом, он храбрый, он подходит осторожно к гробу и – ха-ха-ха – стучит: *(пальцем стучит по столу, подражая голосу сторожа)*. "Г-н новопредставленный, что вам угодно?" *(Все хохочут).*

Пастор. Послушайте только. Это правда. Я сам знаю этого сторожа.

Г-жа Фок. *(входя).* Папахен, прошу, пока суп не остыл.

Г-н Фок. Г-н пастор, пожалуйста.

Пастор. Вы меня уговорили... *(бросает окурок сигары в*

пепельницу и подает руку 2-же Фокерат).

Г-н Фок. (собираясь предложить руку дочери). А где-же Ганс?

Г жа Фок. А фрейлен? Это нехорошо со стороны Ганса, Весь прекрасный обед...

Г-н Фок. (весело). Знаете ли вы, г-н пастор, "zwischen Lipp und. Bechersrand"? Ха-ха-ха.

Пастор. "Schwebt der finstern Mächte Hand". Ха-ха-ха!

Г-н Фок. Это была дама. Мы видели парочку на озере. Помните, г-н пастор?

Пастор. Да, да, они катались на лодке.

Г-жа Фок. Я думаю, пора начинать.

Г-н Фок. Кто не приходит во-время...

Браун (бывший на веранде). Вон они идут!

Г-н Фок. Давно пора. (Ганс и Анна входят).

Ганс. Мы опоздали?

Г-н Фок. Как раз во-время...

Ганс. Прошу извинить, мы... так хорошо на воде... Не правда ли? (представляя)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.